

УТВЕРЖДАЯ СВОЮ ТЕМУ...

ПРО ОЛЕГА Басилашвили говорили «способный актер» еще тогда, когда почти десять лет назад он впервые вышел на сцену Театра имени Ленинского комсомола. Но долгое время дальше этой констатации разговор почему-то так и не шел, и собеседники переключались на другую тему. Что способный — было ясно. На что способный? Вот этого еще никто в точности не знал. И сам актер в том числе. Таким, в сущности, нераскрывшимся он и пришел в Большой драматический театр имени М. Горького шесть лет назад. На недостаток ролей пожаловаться актеру было бы грех. Но вот какая-то искра все не высекалась.

Взлет Басилашвили в минувшем сезоне может показаться стремительным и ослепительно неожиданным, как праздничный фейерверк. Подряд сыгранные Феликс в спектакле «Еще раз про любовь» и Андрей Прозоров в «Трех сестрах». И каждая роль — не просто театральная удача, а глубокая разведка жизни человековедением, каждая заслуживала бы серьезного отдельного разбора.

В творческой энергии, которая явно ощутима в этих работах актера, действительно чудится что-то от праздничной петарды, той, что упруго устремляется ввысь и там рассыпается блистающим огнем. Но праздники готовятся буднями. И если взглянуть пристальнее в еще недавние работы Басилашвили, можно обнаружить в них подспудное накопление того заряда, который и вывел теперь актера «на орбиту».

Валерьян из пьесы В. Розова «Перед ужином» и в особенности Славка Куклин из «Океана» А. Штейна были уже серьезными заявками актера на свою тему, на свое видение драматизма жизни и характеров. С этими людьми не происходило ничего экстраординарного. Самое обычное течение жизни сталкивало их с другими людьми, ставило им свои простые и вечные вопросы: кто ты, зачем ты, с кем ты? И это были, оказывается, грозные встречи и грозные вопросы. Те, кто видел спектакль «Перед ужином», наверное, запомнили, как потрясенно молчал Валерьян, этот красивый, удачливый, легко живший парень, наблюдая вдруг развернувшуюся на его глазах смертную ошибку жизненных позиций, казалось бы, давно знакомых ему людей; наблюдая — и невольно примеряя себя к ним, ко всему увиденному и услышанному; примеряя — и впервые понимая, как бездумно, мелко, бесчеловечно жил до сих пор он сам. На наших глазах происходил глубоко драматический слом характера. А совершалось все это почти на ходу, в житейской суете перед ужином, и не без доли юмора.

Актера интересует загадка и драма несостоявшейся человеческой судьбы. В детстве, в юности будущее, казалось бы, равно обещает всем. Но проходят годы, и какие разные у людей итоги... Когда, на чем ломается человеческая судьба? И кто виноват? Актер вопрошает и судит. Жестко

судит приспосабливца и завистника Славку Куклина. И подымается до почти трагической ноты в роли Феликса.

Опять драматическое прорывается в самых вроде бы неподходящих обстоятельствах — на вечеринке. Феликс привычно поясничает, но в его неожиданной исповеди перед товарищами все явственнее звучат надрытые ноты. Это уже не бравада под маской клоуна, это, скорее, на тему «смейся, паяц...» У человека слезы на глазах, а человека не захотели понять, попросту говоря, плюнули ему в душу. За что? За то, что он, внешне такой благополучный, оказывается, в жизни своей «сел не в тот автобус» и теперь, преодолев себя, сказал это вслух, надеясь с помощью товарищей обрести наконец верный маршрут? Так за отточенной характерностью, за неожиданным трагикомизмом роли вставляли серьезные, личные, гражданские раздумья актера о человеке, о жизни. Это было уже не просто профессиональное мастерство, а свидетельство наступающей зрелости художника.

ЧТО ЭТО именно так, доказал его Андрей Прозоров из чеховского спектакля. В этого Прозорова хочется вглядываться и вглядываться, находя разгадку каждому его движению. Вот он появляется в первом акте, молодой, красивый, в светлоричной бархатной куртке, которая очень идет к его белокурым волосам, очень интеллигентный человек. Только, нагнано, немного байбак — чувствуется что-то от такого ленивого байбака в его еще ловком, статном, но уже начинающем полнеть теле. Но сейчас Андрей деятелен, оживлен, полон великолепных планов, к тому же ему жарко, и он естественно красивым жестом прикладывает к своему белому разгоряченному лбу платок...

Он не выпустит этот платок из рук и в минуты лихорадочного объяснения своего с Наташей. Промокнет влажный лоб — и снова заторпится, как в чаду. Все кажется ему невероятно прекрасным, изумительным, непонятым, он словно ослеп от горячего тока своей крови — и торопится, спешит, летит... Куда?

Куда придет человек, лишенный железного внутреннего, нравственного стержня, безвольно уступающий пошлым обстоятельствам. — об этом рассказана в спектакле Г. Товстоногова трагическая повесть. Рассказана с таким беспощадным и точным знанием, что легко вообразить того Андрея, которого играет здесь О. Басилашвили, даже главным героем какой-то другой, более привычной для нас в своей острой социальности пьесы, быть может, Л. Толстого или же М. Горького.

Кто виноват в трагическом исходе жизни хороших людей? Исторические обстоятельства? Или же и они сами?

...Все в той же своей бархатной куртке, но теперь словно почерневшей от темноты комнаты, сидит у стола Андрей. Иобртнню, небрежно застегнутый, он то ли спит, то ли давно уже застыл над книгой в ка-

кой-то прострации: совсем темно, а он так и не зажег свечи. Одиночество и безысходность... Не в одной Наташе тут дело, — как бы говорит Басилашвили (Андрей и замечает-то ее плохо). Просто нечем жить.

Он еще встrepенется однажды, этот человек-развалина, и пуcтится в пляс, подмываемый общим добрым и вольным святочным весельем. «Ах вы, сени, мои сени...» — широко, разудало, с неожиданно вернувшейся к нему грацией движений пляшет Андрей, и в этот миг словно рыдает и смеется в нем так рано ушедшая молодость с ее светом и надеждами. А потом, в ночь пожара, одиноко стоя посередине пустой комнаты, весь какой-то жалко-взъерошенный и в то же время вызывающий, он будет упорно твердить свои оправдания перед сестрами и защищать Наташу. И вдруг, сломленный осуждающим молчанием сестер, болезненно согнется, как от удара под самое сердце, и закачается в немом отчаянии, обхватив свою бедную голову руками, зарывает, прижав к лицу платок — тот самый свой платок, только измятый и как будто даже посеребрый теперь. И уйдет, цепляясь рукой за стенку, окончательно разбитый, навсегда. Что ждет его дальше? Да не все ли равно! Его удел — все понимать и не иметь сил ничему противостоять... Душевный паралич на наших глазах сделал с этим человеком свое непоравимое черное дело. А ведь был он и чистым, и добрым, и честным...

У ОДНОГО советского поэта есть такие строчки: «Добро должно быть с кулаками, добро суровым быть должно...»

Трагедию бессильного добра сыграл Басилашвили в своем Обломове.

Впервые с этой ролью актер встретился на втором или третьем году своей сценической жизни еще в Театре имени Ленинского комсомола.

Что-то тогда он интуитивно угадал, мгновениями подбирался к самому порогу трагедии, но объяснить характер Обломова было ему тогда еще не под силу. Можно сказать, что актеру привалило редкое на театре счастье — вернуться к той же роли годы спустя, уже в телевизионной постановке. Нажитый актером человеческий багаж, его созревшая склонность к исследованиям тайников души сказались здесь сразу. С трагической отчетливостью проступила в его игре тема обреченности доброты пассивной, чистоты, пугливо отделившейся от всего житейского, а оно-то тут как тут, и давит, и губит все незащищенное. С почти публицистической силой, хотя нигде и не становясь в позу

прямого оратора, говорил актер о том, что всяческую мерзость и пошлость, как ни противно было бы к ней прикоснуться, одним непротивлением и самоуклонением не избыть. И, может быть, впервые за многие годы так близко взглянул Обломов в глаза нам, сегодняшним, отбросив свой хрестоматийный глянец.

Актер ищет свою тему и находит ее даже там, где иные прошли бы мимо. Он тянется к драматическому, даже к трагическому. Но классические трагедийные роли его, оказывается, и не манят. Его волнует другое — драматизм повседневно. Здесь он — и адвокат, и обвинитель (так, неожиданно беспощадно сыграл он растлителя душ, фашиста-штурмовика в телеспектакле «Страхи и отчаяние третьей империи» Б. Брехта). Если же роль не дает ему повода высказать свое человеческое, гражданское, то, что волнует его сегодня, он не знает, что делать с ролью, будь она даже выигрышная, «самонаправленная», как говорят на театре.

Вы, может быть, подумаете, что у Басилашвили все уже определилось? Ничуть не бывало. Именно теперь, после заслуженной победы, он ощущает себя как-то особенно неуютно, словно на распутии. Надо двигаться дальше. Но куда, как? Ответа пока еще нет. И актер, наверное, не раз еще обратится с этим беспокойным вопросом к Г. Товстоногову, режиссеру, который «раскрыл» его.

Мне кажется, что он мог бы интересно сыграть, например, Федю Протасова в «Живом трупе» Л. Толстого. Но, конечно, еще не сегодня, а годы спустя. Сегодня же надо пробовать и пробовать, и на телевидении и в театре. Продолжать упорно искать свое.

Т. МАРЧЕНКО

На снимке: О. Басилашвили в роли Андрея Прозорова.

